

Баба-яга и Иванушка.

старика со старухой былъ сынокъ Иванушка. Пошелъ разъ Иванушка въ садъ, взлѣзъ на яблоню и сталъ яблочки ѣсть.

Увидала его баба-яга и говоритъ:

— Здорово, Иванушка! Что это ты дѣлаешь?

— Да вотъ яблочки рву да ѣмъ.

— Эхъ, охота тебѣ кислыя яблоки ѣсть! Покушай-ка моего—сладенькаго.

Протянула баба-яга Иванушкѣ красное яблочко

Иванушка думалъ, что она и вправду хочетъ его угостить, хотѣлъ было взять у нея изъ рукъ яблоко, а баба-яга какъ схватить его! Посадила въ ступу и помчалась съ нимъ, что есть духу домой.

Скачетъ она съ Иванушкой по лѣсамъ, по горамъ, по оврагамъ—толкачомъ погоняетъ, помеломъ слѣдъ заметаеть.

Приѣхала баба-яга домой, зоветъ свою дочку и говоритъ ей:

— Истопи печку пожарче да изжарь мнѣ Иванушку, а я спать пойду.

Ушла баба-яга спать, а дочь истопила печь и говоритъ Иванушкѣ:

— Ну, Иванушка, садись на лопату, я тебя въ печь посажу

Сѣлъ Иванушка, да такъ, что въ печь не лѣзеть.

— Ты, не такъ сѣлъ, Иванушка,—говоритъ дочь бабы-яги.

— Да какъ же? Лучше я не умѣю.

— Пусти-ка, я тебя научу.

Легла дочь яги на лопату, а Иванушка—не промахъ: сунулъ ее въ печь да скорѣе и приперъ заслонку, чтобы не выскочила.

Прошло часа три, изжарилась дочь бабы-яги. Вытащилъ ее Иванушка изъ печки, положилъ на столъ, а самъ спрятался на печь да прихватилъ съ собой и толкачъ, что баба-яга ступу погоняетъ.

Сидитъ Иванушка на печи тихо-тихо—ждетъ, что будетъ.

Выспалась баба-яга, пришла въ кухню и говоритъ:

— Хорошо поспала, теперь и поѣсть можно.

Сѣла за столъ и въ одинъ присѣсть все сѣбла; косточки обглодала, на полъ покидала и стала на

нихъ приплясывать да ногами притоптывать. А
Иванушка съ печи кричитъ ей:

— Попляши, попляши, яга старая, на дочериныхъ косточкахъ.

— А! ты живъ, разбойникъ?—закричала баба-яга и полѣзла къ нему на печь.

Но Иванушка не испугался, схватилъ толкачъ и что есть силы ударилъ бабу-ягу по лбу,—изъ нея и духъ вонъ.

Вышелъ Иванушка на улицу, видитъ — гуси летятъ; сталъ онъ просить ихъ:

— Гуси, сѣрые! возьмите меня, отнесите къ отцу, къ матери, къ роду-племени!

Услыхали гуси, сжалились надъ Иванушкой, взяли его къ себѣ на крылышки и отнесли къ отцу, къ матери.

А дома его ужъ давнымъ-давно за упокой поминали, да какъ увидали, что онъ живъ-здоровъ, обрадовались и такой-то пиръ устроили, что ни въ сказкѣ сказать ни перомъ написать!

Я на томъ пиру былъ, медъ, пиво пилъ, по усамъ текло, а въ ротъ не попало.

